

ДВА ГОДА назад летние дороги завели меня в небольшую приволжскую деревню Судимерки, что в Калининской области. Вечером я сидела на кухне и смотрела, как приютившая меня старушка легко и сноровисто шуровала в печи ухватами, вынимая из нее громадные чугуны и горшки. Изба наполнилась теплыми запахами упревших овощей, сушеных грибов, томленого молока... «Вот весь век тут одна кручусь да верчусь. Да еще в колхоз бегаю, подсобляю. А как же? Дочери на ферме, внуки на технике ездят, а я на всех фронтах. Мужика-то моего война съела...». Лицо ее сжалось, стало маленьким и мокрым. Неожиданно в комнате возник человек лет шестидесяти, поспев в мою сторону, потоптался и, редко ставя слова, сказал: «Мамка велела телевизор включать. «Член правительства» будет». «Ой, — запримечала бабка, — как же это я позабыла-то!» — и кинулась к телевизору.

«Какой член правительства?» — не поняла я. «Да наша тут одна, Марецкая. Это кино про нашу деревню. Там все наше видать: и баб, и избы, и Волгу...». В это время экран застрекотал, засеребрился, и прежде изображения в бабину горницу вступил и заполнил ее до краев удивительный голос, который не спутаешь ни с каким другим, — голос Веры Петровны Марецкой. «Ой! Муж мой, милый, батюшка ты мой! Вернулся ты ко мне, жемчужинка ты моя! А я уж тебя маленько подзабыть стала... А то зову, зову ночами-то: приезжай! Приезжай!»... Я увидела, как моя старушка вздрогнула, вытянулась, сжала руками края стула и с прямой спиной просидела весь фильм, ни разу не отведя от экрана глаз.

В Судимерках Вера Петровна Марецкая жила несколько месяцев в период съемок фильма «Член правительства» три с лишним десятка лет назад, а люди, подружись с ней на всю жизнь, и через всю жизнь пронесли к ней уважение и тепло. Ее человеческий образ полностью слился для них с образом ее ролями в кино, поэтому одни считают ее здесь членом правительства, другие — партизанкой, теперь председателем колхоза, а третьи — сельской учительницей.

— Когда я снялась в «Сельской учительнице», я увидела, что фильм затронул все сердца. Творилось что-то невероятное вокруг фильма. Казалось бы, наша культура, люди, которые заботятся о воспитании, получили личност человека, который уже вошел в доверие у народа. Нужно было скорее дать такому актеру возможность продолжать начатое дело, писать для него сценарии, создавать фильмы, то есть с его помощью провести большую государственную работу. Я здесь говорю не о себе как о человеке. Я говорю о себе как об актрисе.

Но после этого прошло пять лет. У меня не было ни одного предложения, ни единого фильма... Телевидение сегодня владеет аудиторией, в десятки, сотни раз превышающей кинематографическую, и оно должно учитывать ошибки кино.

И нужно сказать, что в самые последние годы Центральное телевидение по мере своих сил старается все это учитывать. Я имею в виду его гигантскую справедливую, гуманную и полезную поисковую деятельность в области создания портрета наших современников, портрета не в жанровом, а в широком смысле этого слова. Мне кажется, что это одно из интересней-

ших и плодотворных направлений в работе советского телевидения. Фильмы и передачи, рассказывающие о реальных героях нашей жизни, необыкновенно оптимистичны по своей сути, ибо они показывают на деле безграничные возможности роста и развития человеческой личности у нас в стране. Но, кроме того, в передачах С. С. Смирнова, Натальи Крымовой, фильмах М. Голдовской, И. Беляева, Е. Лукиной, М. Зеликина и многих других «телевизионных биографов» мы все чаще и чаще знакомимся с людьми поразительной, захватывающей целеустремленности, могучей воли, людьми, чье служение своему на-

ну, предшествующую смерти ее героини. Но из-за того, что никто никак не подготовил восприятие этого отрывка, из-за того, что его обрывают до кульминационного момента действия, театральная цитата кажется мелодраматичной и необязательной в этой картине. Ситуация, показанная в ней, не захватывает. Я начинаю скучать, рассматривать парики на актерах, слышу, как нестерпимо скрипят плохо пригнанные доски павильонного пола...

И вдруг все меняется. Я вижу Веру Петровну дома, а дома ведь и стены помогают. Она начинает рассказывать о своем детстве, о каких-

ся к детям, сказала им: «Ну, что же, дети. Начнем урок! Я расскажу вам, почему день сменяется ночью... Кто живет за морями... Почему дует ветер... Куда текут реки. Я научу вас мечтать!». Понимаете, ну как же здесь не волноваться! Ведь сколько лет прошло после выхода фильма, а живо! Эта учительница, читая мой монолог, ведь тем самым мне говорит: «Я тоже хочу учить, как ты»... Или эта зенитчица. Я для нее товарищ по войне. Или недавно: ребята идут по улице, останавливаются: «Вера Петровна, а ведь мы для вас Театр имени Моссовета строили! Не ругаете нас?». Меня волнуют строители. Люди,

ра, «между прочим», еще работала в театре. Театр в этой картине у режиссуры фильма не получился.

Мне жаль, что в картине не нашли отражения многие ранние работы Марецкой в кино. Долгие годы играла она молодых героинь, темных, забытых, которых в прямом смысле били в фильмах и которые дрались сами. Героиня Марецкой росла и менялась на экране вместе с тем, как менялась жизнь женщины. Не сразу стала она Александрой Соколовой. Но, возможно, что это уже другая, самостоятельная тема, и она со временем найдет свое воплощение на телевидении.

Мне показалось ошибкой, что создатели картины не заинтересовали постоянные встречи актрисы, которые она в течение многих лет проводит со зрителем на фабриках, на заводах, в студенческих общедетских. Ведь у Театра имени Моссовета есть свой родной подшефный коллектив труженников Московского шарикоподшипникового завода (ГПЗ). «Там у каждого цеха есть свои эстрады, маленькие клубы. Ты идеешь к ним в грохоте. Из него они приходят к тебе — об этом все время помни. Я понимаю, что им нужно дать отдых, сделать все, чтобы они получили удовольствие. Они чувствуют, что мы хотим сделать для них все, потому что мы уважаем их тяжелый труд. Я всегда выбираю какую-нибудь симпатичную женщину и начинаю с ней общаться. Я могу ее играть, все рассказывать ей. И им тоже нравится быть с нами. Человек становится артистом. А для меня это большая радость. Ведь в театр люди приходят уже друзьями, там они — публика, а здесь все куда ближе и проще, и я смотрю им в глаза и вижу, что они меня понимают».

Однажды я спросила Веру Петровну, как она готовится к этим встречам с людьми, которые занимают в ее жизни такое большое место.

— Сегодня люди интересуются больше всего политикой, происходящими в мире событиями, теми морали. И каждый тоскует о приключении. Это может быть любовь. Она или была, или есть, или будет. Если нет любви, то обязательно хорошие, дорогие друзья. Если нет вот сейчас у него такой дружбы, то хотя бы интересный разговор. Если нет разговора сегодня, то телевизор. Пусть человек побудет рядом с другими интересными людьми, послушает, о чем они говорят... Я верю в силу положительного примера. Мы все невольно ищем людей, которые лучше, умнее нас. Даже детективы мы любим потому, что герой смелый человек. Мы хотим кем-то восхищаться, мы хотим переживать интересные события. Разве не так?

ВЕРА ПЕТРОВНА по многим причинам считает себя счастливым человеком, и это правда. У нее верные друзья, театр, которому она никогда не изменяла, кинематограф, сделавший ее народной героиней, и теперь вот телевидение, выразившее через этот фильм всенародную признательность замечательной артистке. Вера Петровна умеет ценить в жизни все хорошее, что выпадает на ее долю, и она считает себя счастливой еще и потому, что лучшие ее роли созданы по жизням реальных героинь. Это их укрупненные искусством портреты.

«Я, может быть, не могла бы быть такой храброй, мужественной, душевно выносливой, как Александра Соколова или Прасковья Лукьянова. Но счастье хоть сыграть такую роль».

Вера ТУЛЯКОВА.

МИР ХУДОЖНИКА

РАССКАЗ О СЧАСТЛИВОМ ЧЕЛОВЕКЕ, ИЛИ ПОСЛЕСЛОВИЕ К ТЕЛЕФИЛЬМУ

роду характеризуется высокой степенью нравственного развития. Мы хотим знать наших героев в лицо, и в этом нам в большой степени сегодня помогает домашний экран.

ТОЛЬКО что я посмотрела новый телевизионный фильм, который называется «Что вы знаете о Марецкой?» (сценарист А. Шерель, режиссер Л. Елагин). Я не знаю, кто задает этот вопрос и зачем, потому что фильм не про это. Он не концертное напоминание наиболее выигрышных моментов исполненных ролей, он зрелое, тревожное размышление о нескольких десятилетиях работы в театре и кино. И я вижу, как актрисе трудно. Ей впервые не нужно никого играть, тем более не нужно играть драматическую артистку Марецкую. Она пришла на телеэкран, чтобы поделиться своими мыслями, воспоминаниями, чтобы спросить: «Вы меня поняли? Поняли, зачем я все это делала?», а не для того, чтобы выяснить, «что вы знаете о Марецкой?». Сейчас ей хочется забыть обо всем, что перед глазами, и думать только о том, как было... Но в этом ей нужна поддержка тех, кто ей так верно помогал всю жизнь, — зрителей, а их нет рядом...

«Попутный ветер... А это всего две улыбки зрителя. Вот входящий в зрительный — так нужны эти хоть две улыбки. Зритель — как попутный ветер. А ты — как ветер, вместе с ним». Но снимается телефильм, потом он, может быть, вызовет бурю откликов, писем, звонков, но пока в павильоне тишина. Актриса работает в двух метрах от съемочной камеры, и это тоже непросто. «Мне уже трудно сниматься на крупных планах... Возраст не тот».

Я смотрю на первые кадры фильма, вижу эту женщину. Она не такая, как всегда. Нервничает? Бойсья? Мне даже кажется, что ей холодно, или это оттого, что кругом как-то пусто. Идет большой отрывок из спектакля А. Штейна «Апелдисменты», и Марецкая играет сце-

то важных мгновениях, поразивших ее детское воображение. Становится интересно все, о чем она говорит. От новеллы к новелле лицо ее освобождается от напряжения. И тут уже с недоумением вспоминаешь ее боязнь крупных планов, обоснованную только в том случае, если актрисе не повезло с оператором. А оператор этой картины Ирина Колганова — художник внимательный, кропотливый. Своей работой, своим искусством она раскрепощает актрису, заставляет ее верить в себя, и постепенно страхи Марецкой проходят. Становится спокойнее голос, появляются шутливые интонации, юмор, без которого эта женщина просто не существует, и открывается завеса над жизнью, и открывается человек. А за плечами у этого человека так много дел! Разных. И какое из них главнее? Как теперь это выделить?

«Знаете, — как-то сказала она мне, — в 46-м в Париже был антифашистский конгресс женщин. Мы прилетели туда на каком-то железном самолете, с железными сиденьями, как парашютистки. Какие я там видела лица, какие глаза! Там испанки были: тайно, под страхом смерти приехали. А ко мне подошли, просили расписаться на паспорте!».

Тогда для них Марецкая и ее героиня из фильма «Она защищает Родину» тоже были одним лицом. Ничто из того, что сыграла Марецкая в кино, не потускнело от времени. Только что вернувшись из Запорожья, где она встречалась с рабочими и показывала им отрывок из этого фильма, она сама поразила его жизненной силой.

— В антракте ко мне подошла скромная женщина и шепчет: «Слушай, а я ведь зенитчица. Зенитчица была, понимаешь!». Доверительно. Для нее я свой человек. Вот что ценно. Или там же. Попросили меня прийти в школу, с ребятами поговорить. Проходил «День учителя». А когда я стала прощаться, учительница, молодая, встала и, обра-

которые много делают, создают, работают.

В телефильме мне хотелось рассказать и о людях, которых я встречаю каждый день. Я понимаю, что, проходя мимо, они улыбаются не мне, а Соколовой или учительнице Варваре Васильевне, или матери Павла Власова. Как-то стою в магазине, в очереди, а мимо уборщица идет с ведром. Увидела меня и говорит: «Эй, щип да каша! Щип да каша!». Подмигнула и пошла. Помните, в «Матери» М. Донского я играю сцену, когда после ареста Павла Власова Ниловна переодевается торговкой и идет на завод. Подсовывая рабочим листовки, она кричит вот эти самые нехитрые слова про щип да кашу. И эта женщина в магазине тронула меня не тем, что узнала, а тем, что, глядя на нее, я понимаю: думает, что и она могла бы сыграть такую роль. И она мне это показала. Вот что важно. Всю жизнь я хочу научиться играть, как жить, чтобы никто не видел, что это игра.

КОГДА кончается интересный фильм о Вере Петровне, то понимаешь, что в нем рассказана и представлена лишь небольшая часть ее свершений. Нужен корабль, чтобы погрузить все созданное ею, а перед нами быстро промелькнул лишь пробный парусник. И, раздумывая об этой работе, еще и еще раз убеждаешься, как невосстановимы театральные роли, если их своевременно не закрепило на пленке кино.

Всю жизнь Вера Петровна отдала любимому театру, но никто не снял «Машеньку», конули в вечность образы, поразившие Вахтангова, Станиславского, Мейерхольда... А сценическое искусство потому и неблагоприятно, что об игре артиста нельзя рассказать, ее нужно видеть, ее можно оценивать, но бессмысленно объяснять. Вот и получается по просмотренному фильму, что в нем щедро и убедительно показана выдающаяся киноактриса в широком диапазоне сыгранных ролей, кото-